

Озорной
ЛЕРМОНТОВ

Михаил Лермонтов
Озорной Лермонтов

«Фолио»

2009

Лермонтов М. Ю.

Озорной Лермонтов / М. Ю. Лермонтов — «Фолио», 2009

В этой книге представлены произведения М. Ю. Лермонтова (1814–1841), некогда принесшие ему славу «второго Баркова». Его стихотворения, поэмы, оды и эпиграммы, в которых он раскованно и откровенно говорит о сокровенном, написаны во время учебы в Школе гвардейских кавалерийских юнкеров. Отличаясь жаркой фантазией, подчас прекрасным стихом и нескромным содержанием, они расходились по Петербургу в списках и смогли быть опубликованы только спустя почти два века. В сборник включена также любовная лирика поэта и строфы из его поэм «Сашка» и «Тамбовская казначейша». **ВНИМАНИЕ!** Книга рекомендована для взрослой аудитории. В тексте присутствует ненормативная лексика.

© Лермонтов М. Ю., 2009

© Фолио, 2009

Содержание

Стихотворения и эпиграммы	5
Заблуждение Купидона	5
Тамара	7
Мадригал	9
«Он был в краю святом...»	10
«Очарователен кавказский наш Монако!...»	11
«За девицей emilie...»	12
Эпиграмма	13
Грузинская песня	14
Моя мольба	15
(Глупой красавице)	16
А. Д. З...	18
Песня	19
Счастливым миг	20
«Склонись ко мне, красавец молодой!...»	21
«Расписку просишь ты, гусар...»	23
К*	24
Булевар	25
«Я видел раз ее в веселом вихре бала...»	28
Прелестнице	29
Юнкерская молитва	31
Послание	32
«Слышу ли голос твой...»	33
«Она поет – и звуки тают...»	34
<А. А. Олениной>	35
«Посреди небесных тел...»	36
<М. А. Щербатовой>	37
Соседка	38
Благодарность	39
А. О. Смирновой	41
И. П. Мятлеву	42
Морская царевна	43
<Н. Н. Арсеньеву>	45
Юнкерские поэмы и оды	46
Уланша	46
Петергофский праздник	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Озорной Лермонтов

Стихотворения и эпиграммы

Заблуждение Купидона

Однажды женщины Эроса отодрали;
Досадой раздражен, упрямое дитя,

Напрягши грозный лук и за обиду мстя,
Не смея к женщинам, к нам ярость
острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей, стремится.
Ваш подлый род один! – безумный говорит.
С тех пор-то женщина любви не знает!..
И точно как рабов считает нас она...
Так в наказаниях всегда почти бывает:
Которые смиренней, на тех падет вина!

Тамара

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.
В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.
И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.
И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.
На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.
На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя... Шипели
Пред нею два кубка вина.
Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.
Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.
Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.
Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;
И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.
И было так нежно прощанье,

Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

Мадригал

«Душа телесна!» – ты всех уверяешь смело;
Я соглашусь, любовь дыша:
Твое прекраснейшее тело
Н е что иное, как душа!..

«Он был в краю святом...»

Он был в краю святом,
На холмах Палестины.
Стальной его шелом
Исекли сарацины.

Понес он в край святой
Цветущие ланиты;
Вернулся он домой
Плешивый и избитый.

Неверных он громил
Обеими руками —
Ни жен их не щадил,
Ни малых с стариками.

Встречаясь с ним подчас,
Смущались красотки;
Он п... их не раз,
Перебирая четки.

Вернулся он в свой дом
Без славы и без злата;
Глядит – детей содом,
Жена его брюхата.

Пришибло старика:
За что ж с врагами бился?
Он дрался там, пока —
С женой другой скоблился.

«Очарователен кавказский наш Монако!..»

Очарователен кавказский наш Монако!
Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы;
В нем лихорадят нас вино, игра и драка,
И жгут днем женщины, а по ночам – клопы.

«За девицей emilie...»

За девицей Emilie
Молодежь как кобели.
У девицы же Nadine
Был их тоже не один;
А у Груши в целый век
Был лишь Дикой человек.

Эпиграмма

Стыдить лжеца, шутить над дураком
И спорить с женщиной всё то же,
Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, Боже!..

Грузинская песня

Жила грузинка молодая,
В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился:
Ах! ею старый армянин
Гордился!..

Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
У старика.
Его рука
Ласкает деву всякий день:
И что же? —
Скрываются красы как тень.
О боже!..

Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но всё любовь
Презрела. Вновь
Румянец на щеках живой
Я вился,
И перл между ресниц порой
Не бился...

Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
Как перенести!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
И звезда! —
И труп преступницы волнам
Он предал.

Моя мольба

Да охранюся я от мушек,
От дев, не знающих любви,
От дружбы слишком нежной – и —
От романтических старушек.

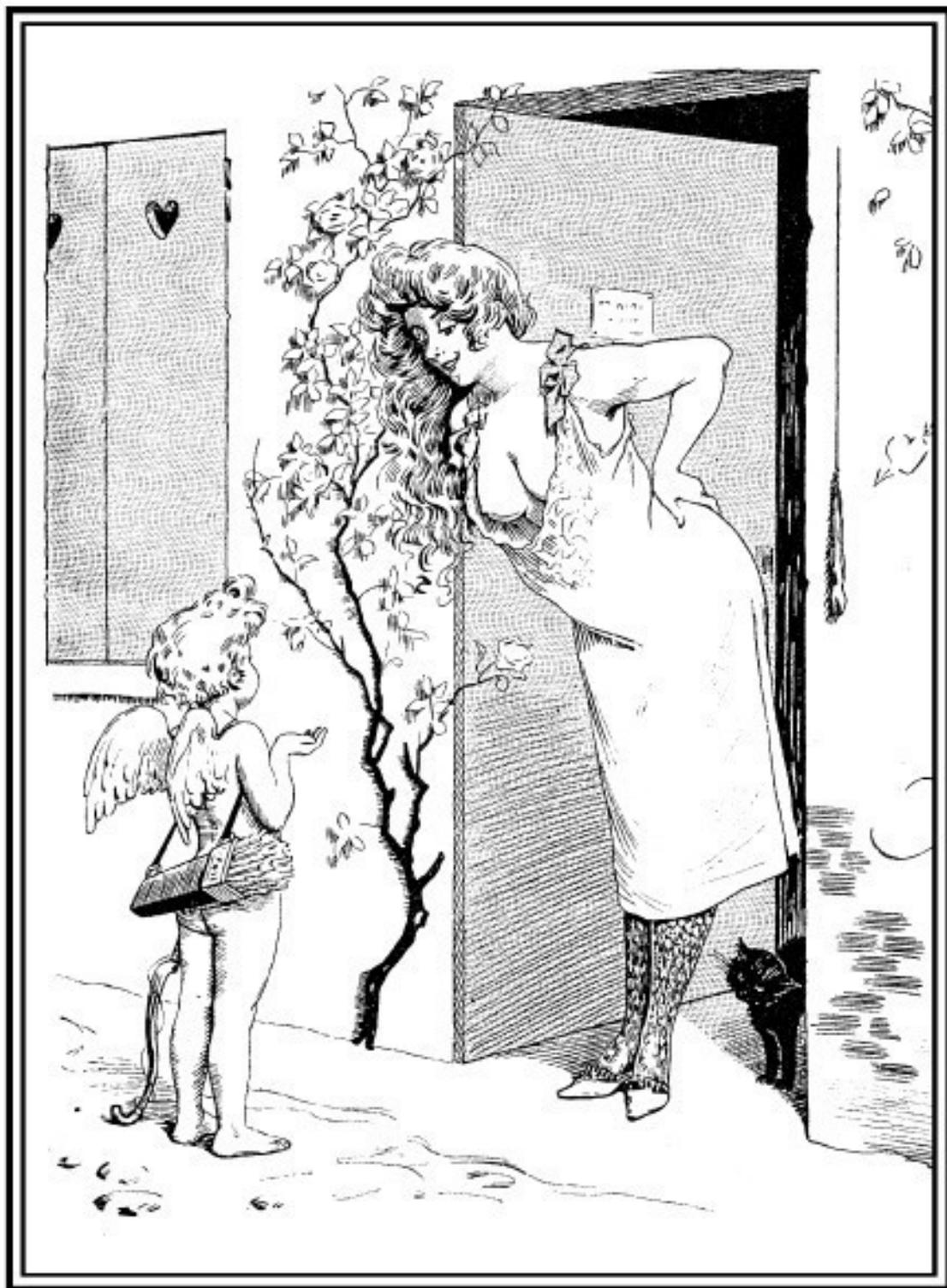
(Глупой красавице)

1

Амур спросил меня однажды,
Хочу ль испить его вина —
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.

2

Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страстной,
Как голова твоя – пуста.

А. Д. З...

О ты, которого клевет твой верный Павел
В искусстве ёрников в младенчестве
наставил;
О ты, к которому день всякий Валерьян
На ваньке приезжал ярыгой, глуп и пьян,
Которому служил лакеем из лакеев
Шут, алырь, женолаз, великий Теличев,
Приветствую тебя и твой триумвират: —
И кто сказать бы смел, что черт тебе
не брат?

Песня

Ликуйте, друзья, ставьте чаши вверх дном,
Пейте!
На пиру этой жизни, как здесь на моем,
Не робейте.
Как чаши, не бойтесь всё ставить вверх дном.
Что стоит уж вверх дном, то не может
мешать

Плутам!
Я советую детям своим повторять
(Даже с прутом):
Что стоит уж вверх дном, то не может
мешать.
Я люблю очень дно доставать на пирах
В чаше!
И даже в других больше нежных местах
У П...е.
На дне лишь есть жемчуг в морских глубинах!

СЧАСТЛИВЫЙ МИГ

Не робей, краса младая,
Хоть со мной наедине;
Стыд ненужный отгоняя,
Подойди – дай руку мне.
Не тепла твоя светлица,
Не мягка постель твоя,
Но к устам твоим, девица,
Я прильну – согреюсь я.

От нескромного невежды
Занавесь окно платком;
Ну, – скидай свои одежды,
Не упрямясь, мы вдвоем;
На пирах за полной чашей,
Я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей;
Так скорее ж... я дрожу. —

О! как полны, как прекрасны
Груди жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,
Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман;
Перед тем, чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что, мнится,
Я, любя тебя, – злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.

Полон сладким ожиданьем
Я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,
Призовешь меня рукой;
И тогда душа забудет
Всё, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.

«Склонись ко мне, красавец молодой!..»

1

Склонись ко мне, красавец молодой!
Как ты стыдлив! – Ужели в первый раз
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
В моих объятьях вот уж целый час
Лежишь – а страха всё не превозмог...
Не лучше ли у сердца, чем у ног?
Дай мне одну минуту в жизнь свою...
Что злато? – я тебя люблю, люблю!..

2

Ты так хорош! – Бывало, жду, когда
Настанет вечер, сяду у окна...
И мимо ты идешь, бывало, да, —
Ты помнишь? – Серебристая луна,
Как ангел средь отверженных, меж туч
Блуждала, на тебя кидая луч,
И я гордилась тем, что наконец
Соперница моя небес жилец.

3

Печать презренья на моем челе,
Но справедлив ли мира приговор?
Что добродетель, если на земле
Проступок не бесчестье – но позор?
Поверь, невинных женщин вовсе нет,
Лишь по желанью случай и предмет
Не вечно тут. Любить не ставит в грех
Та одного, та многих – эта всех! —

4

Родителей не знала я своих,
Воспитана старухой чужой,

Не знала я веселья дней молодых
И даже не гордилась красотой;
В пятнадцать лет, по воле злой судьбы
Я продана мужчине – ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
С тех пор я гибну, гибну – день от дня.

5

Мне мил мой стыд! он право мне дает
Тебя лобзать, тебя на миг один
Отторгнуть от мучительных забот! —
О наслаждайся! – Ты мой господин! —
Хотя тебе случится, может быть,
Меня в своих объятьях задушить,
Блаженством смерть мне будет от тебя. —
Мой друг! – чего не вынесешь любя! —

«Расписку просишь ты, гусар...»

Расписку просишь ты, гусар, —
Я получил твоё посланье;
Родилось в сердце упованье,
И легче стал судьбы удар; —
Твои пленительны картины
И дерзкой списаны рукой;
В твоих стихах есть запах винный —
А рифмы льются м...ей.

К*

(Из Шиллера)

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне черт душа твоя!..

Булевар

С минуту лишь с бульвара прибежав,
Я взял перо – и, право, очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав
Узнает вновь бульварный маскарад;
Сатиров я, для помощи призвав —
Подговорю, – и все пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай остро;
Не то — ...ко всем чертям твое перо!..

Приди же из подземного огня,
Чертенок мой, взъерошенный остряк,
И попугаем сядь вблизи меня.
«Дурак» скажу – и ты кричи «дурак»,
Не устоит бульварная семья —
Хоть морщи лоб, хотя сожми кулак,
Невинная красотка в сорок лет —
Пятнадцати тебе все нет как нет!

И ты, мой старец с рыжим париком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жеребцом,
Как кровь ему из всех пускают жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сентябрем,
Хоть там княжна лепечет: как он мил!
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в Ч***** извинить!..

Подалее на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли;
Он как знаток глядит в лорнет двойной;
Власы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти могли.
Но я клянусь (пусть кончив – буду прах),
Она тонка, когда в его ногах.

И что ж? – он прав, он прав, друзья мои.
Глупец, кто жил, чтоб на диете быть;
Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил: чтобы любить.
Замен души он находил в крови.
Но тот блажен, кто может говорить,
Что он вкушал до капли мед земной,
Что он любил и телом и душой!..

И я любил! – опять к своим страстям!
Брось, брось свои безумные мечты!
Пора склонить внимание на дам,
На этих кандидатов красоты,
На их наряд – как описать все вам?
В наряде их нет милой простоты,
Все так высоко, так взгромождено,
Как бурею на них нанесено.

Приметна спесь в их пошлой болтовне,
Уста всегда сказать готовы: *нет*.
И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки портрет;
Когда гляжу, то, право, жалко мне,
Что вкус такой имеет модный свет.
Ведь думают тенетом лент, кисей,
Как зайчиков, поймать моих друзей.

Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита и в чепчике простом —
Но как божественна была она.
Уста и взор – стыжусь! в уме моем
Головка та ничем не изгнана;
Как некий сон младенческих ночей
Или как песня матери моей.

И сколько лет уже прошло с тех пор!..
О, верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательный ваш головной убор
Вскружить не в силах нашей головы.
Все платья, шляпы, букли ваши вздор.
Такой же вздор, какой твердите вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.

Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то поймет
И сам Башуцкий объяснит тотчас.
Комета за собою хвост влечет;
И это всеми признано у нас,
Хотя – что в нем, никто не разберет:
За вами ж хвост оставленных мужьев,
Вздыхателей и бедных женихов!

О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя найду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чаду;

Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше все не думав говорить,
Чем глупо думать и глупей судить.

Он чванится, что точно русский он;
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.
И то сказать, чудесный патриот;
Лишь своему языку обучен,
Он этим край родной не выдает:
А то б узнали всей земли концы,
Что есть у нас подобные глупцы.

«Я видел раз ее в веселом вихре бала...»

Я видел раз ее в веселом вихре бала;
Казалось, мне она понравиться желала;
Очей приветливость, движений быстрота,
Природный блеск ланит и груди полнота —
Все, все наполнило б мне ум очарованьем,
Когда б совсем иным, бессмысленным
желаньем
Я не был угнетен; когда бы предо мной
Не пролетала тень с насмешкою пустой,
Когда б я только мог забыть черты другие,
Лицо бесцветное и взоры ледяные!..

Прелестнице

Пускай ханжа глядит с презрением
На незаконный наш союз,
Пускай людским предубеждением
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не чту владыкой никого,
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего;
Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,
И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..
Мы смехом брань их уничтожим,
Нас клеветы не разлучат:
Мы будем счастливы, как можем,
Они пусть будут, как хотят!

Юнкерская молитва

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алехин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, Царь Всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

Послание

Катерина, Катерина,
Удалая голова!
Из святого Августина
Ты заимствуешь слова.

Но святые изречения
Помрачаются грехом,
Изменилось их значенье
На листочке голубом.

Так, я помню, пред амвоном
Пьяный поп, отец Евсей,
Запинаясь, важным тоном
Поучал своих детей;

Лишь начнет – хоть плачь заране...
А смотри, как силен Враг!
Только кончит – все миряне
Отправляются в кабак.

«СЛЫШУ ЛИ ГОЛОС ТВОЙ...»

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

«Она поет – и звуки тают...»

Она поет – и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит – и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли – все ее движенья,
Иль молвит слово – все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

<А. А. Олениной>

Ах! Анна Алексевна,
Какой счастливый день!
Судьба моя плачевна,
Я здесь стою как пень.
И что сказать не знаю,
А мне кричат: «Plus vite!»¹
Я счастья вам желаю,
Et je vous félicite².

¹ Скорей! (Фр.)

² И я вас поздравляю (фр.).

«Посреди небесных тел...»

Посреди небесных тел
Лик луны туманный:
Как он кругл и как он бел!
Точно блин с сметаной...

Каждую ночь она в лучах
Путь проходит млечный...
Видно, там на небесах
Масленица вечно!

<М. А. Щербатовой>

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,

Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.

Как ночи Украины,
В мерцании звезд незакатных,
И сполнены тайны
Слова ее уст ароматных,

Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки;
Как ветер пустыни,
И нежат и жгут ее ласки.

И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых,
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.

И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на Бога
Хранит она детскую веру;

Как племя родное,
У чуждых опоры не просит
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит;

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

Соседка

Не дожидаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко над землей,
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подыметя вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она, долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Все тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь – отворится клетка,
И, как Божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

Благодарность

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

А. О. Смирновой

В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал.
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас – хочу сказать вам много,
При вас – я слушать вас хочу:
Но молча вы глядите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что ж делать? – речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

И. П. Мятлеву

На наших дам морозных
С досадой я смотрю,
Угрюмых и серьезных
Фигур их не терплю.
Вот дама Курдюкова,
Ее рассказ так мил,
Я от слова до слова
Его бы затвердил.
Мой ум скакал за нею,
И часто был готов
Я броситься на шею
К madame de-Курдюков.

Морская царевна

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.

Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провести ты с царвеною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.

Вышла младая потом голова,
В косу вплелась морская трава.

Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.

Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет:

«Эй, вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит: лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...

Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

<Н. Н. Арсеньеву>

Дай Бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы молодой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блещут;
Вино поддельное, кокетка —
Для головы и сердца яд!

Юнкерские поэмы и оды

Уланша

Идет наш пестрый эскадрон
Шумящей, пьяною толпою;
Повес усталых клонит сон;
Уж поздно; темной синевою
Покрылось небо... день угас;
Повесы ропщут: «Мать их в ж...пу,
Стервец, пожалуй, эдак нас
Прогонит через всю Европу!»
— «Ужель Ижорки не видать!..» —
«Ты, братец, придавил мне ногу;
Да вправо!» — «Вот поднял тревогу!» —
— «Дай трубку». — «Тише — е... их мать».
Но вот Ижорка, слава богу,
Пора раскланяться с конем.
Как должно, вышел на дорогу
Улан с завернутым значком.
Он по квартирам важно, чинно
Повел начальников с собой,
Хоть, признаюсь, запах винной
Изобличал его порой...
Но без вина что жизнь улана?
Его душа на дне стакана,
И кто два раза в день не пьян,
Тот, извините! — не улан.
Скажу вам имя квартирьера:
То был Лафа, буян лихой,
С чьей молодецкой головой
Ни допель-кюмель, ни мадера,
И даже шумное ай
Ни разу сладить не могли;
Его коричневая кожа
Была в сияющих угрях,
И, словом, все: походка, рожа —
На сердце наводили страх.
Надвинув шапку на затылок,
Идет он... Все гремит на нем,
Как дюжина пустых бутылок,
Толкаясь в ящике большом.
Шумя, как бес, он в избу входит,
Шинель скользя валится с плеч,
Глазами вокруг он косо водит,
И мнит, что видит сотню свеч;

Всего одна в избе лучина!
Треща пред ним, горит она;
Но что за дивная картина
Ее лучом озарена!
Сквозь дым волшебный, дым табашный,
Блистают лица юнкеров;
Их речи пьяны, взоры страшны!
Кто в сбруе весь, кто без штанов,
Пируют – в их кругу туманном
Дубовый стол и ковш на нем,
И пунш в ушате деревянном
Пылает синим огоньком.
«Народ! – сказал Лафа рыгая: —
Что тут сидеть! За мной ступай —
Я поведу вас в двери рая!..
Вот уж красавица! лихая!
П...зда – хоть ложкою хлебай!
Всем будет места... только, други,
Нам должно очередь завести!..
Пред Богом все равны...
Но, братцы, надо знать и честь...
Прошу без шума и без драки!
Сначала маленьких пошлем;
Пускай потыкают собаки...
А мы же грозные е...аки
Во всякий час свое возьмем!»
– «Идем же!..» – разъярясь, как звери,
Повесы загремели вдруг,
Вскочили, ринулись, и с двери
Слетел как раз железный крюк.
Держись, отважная красотка,
Ужасны молодцы мои,
Когда ядреная чесотка
Вдруг нападает на х...и!..
Они в пылу самозабвения
Ни слез, ни слабого моленья,
Ни тяжких стонов не поймут;
Они накинута толпою,
М...нду до ж...пы раздерут
И ядовитой м...лофьею
Младые ляжки обольют!
Увы, в пунцовом сарафане,
Надев передник белый свой,
В амбар пустой уж ты заране
Пришла под сенью мглы ночной...
Неверной, трепетной рукой
Ты стелешь гибельное ложе!
Простите, счастливые дни...
Вот голоса, стук, гам – они...

Земля дрожит... идут... о боже!
Но скоро страх ее исчез...
Заколыхались жарки груди...
Закрой глаза, творец небес!
Зажмите уши, добры люди!
Когда ж меж серых облаков
Явилось раннее светило,
Струи залива озарило
И кровли бедные домов
Живым лучом позолотило,
Раздался крик... «Вставай скорей!»
И сбор пробили барабаны,
И полусонные уланы,
Зевая, сели на коней...
Мирзу не шпорит Разин смелый,
Князь Нос, сопя, к седлу прилег,
Никто рукою онемелой
Его не ловит за курок...
Идут и видят... из амбара
Выходит женщина: бледна,
Гадка, скверна, как Божья кара,
Истощена, изъе...ана;
Глаза померкнувшие впали,
В багровых пятнах лик и грудь,
Обвисла ж...па, страх взглянуть!
Ужель Танюша? – Полно, та ли?
Один Лафа ее узнал,
И, дерзко тишину наруша,
С поднятой дланью он сказал:
«Мир праху твоему, Танюша!»

.....
.....
.....

С тех пор промчалось много дней,
Но справедливое преданье
Навеки сохранило ей
Уланши громкое названье!

Петергофский праздник

Кипит веселый Петергоф,
Толпа по улицам пестреет,
Печальный лагерь юнкеров
Приметно тихнет и пустеет.
Туман ложится по холмам,
Окрестность сумраком одета —
И вот к далеким небесам,
Как долгохвостая комета,
Летит сигнальная ракета.
Волшебно озарился сад,
Затейливо, разнообразно;
Толпа валит вперед, назад,
Толкается, зевает праздно.
Узоры радужных огней,
Дворец, жемчужные фонтаны,
Жандармы, белые султаны,
Корсеты дам, гербы ливрей,
Колеты кирасир мучные,
Лядунки, ментики золотые,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.